

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ

ЧЕТВЕРГЪ, 1 ОКТЯБРЯ 1936
JEUDI, 1 OCTOBRE 1936

• НОМЕРЪ
ВО ФРАНЦИИ **50** сент.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ П. Н. МИЛЮКОВА
Quotidien Russe "LES DERNIERES NOUVELLES" Directeur P.N. MILIOUKOV

LE NUMERO
EN FRANCE **50** cent.

ЧЕТВЕРГЪ, 1 ОКТЯБРЯ 1936
JEUDI, 1 OCTOBRE 1936

№ 5669

17^e
ANNEE
274

ABONNEMENT AUX « DERNIERES NOUVELLES »
(Partant du 1er et 16 de chaque mois)
ПОДПИСАНІЕ НА « ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ »
(съ 1-го и 16-го числа каждого мѣсяца)

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	1 годъ
Во Франціи . . . France	14	40	75	145
За-границей . . . Etranger	25	70	135	265
Измененіе адреса — 1 фр. —	Changement d'adresse — 1 fr			

Подписка принимается въ Конторѣ газетъ
и въ отдѣленіяхъ, а также по почте,
отдѣленіяхъ.
Цѣна: Въ Парижѣ и провинціи — 50 сент.
За-границей — 80 сент.
Пріемъ объявленій въ Конторѣ газетъ.

ADRESSE DE LA REDACTION ET DE L'ADMINISTRATION

Адресъ Конторы и Редакціи
81, Rue de Turbigo, 51 — Paris III (Métro : Arts et Métiers)

On s'abonne aux Bureaux du Journal
et dans tous les Bureaux de Poste
Le numéro: Paris et Départements — 50 c.
Etranger — 80 cent.
Annonces : aux Bureaux du Journal

Телефонъ редакціи TURBIGO 81-52
" конторы ARCHIVES 85-00
" отд. объявленій TURBIGO 81-20, 81-21
Ночной телефонъ редакціи (послѣ 9 час. вечера):
PROVENCE 78-17

Телеграфный адресъ Adresse télégraphique
DERNOUVED PARIS 03

№ 5669

17-й ГОДЪ
ИЗДАНІЯ
274

ОТКЛИКИ

Кто встрѣчался съ покойнымъ Бор. А. Лазаревскимъ, знаетъ, какой это былъ занимательный рассказчикъ, какъ много помнилъ онъ интереснаго, какъ своеобразно вспоминалъ о былыхъ своихъ встрѣчахъ.

Впрочемъ, не только — о былыхъ. Въ послѣдніе годы жизни Лазаревскій подружился съ Селиномъ, авторомъ «Путешествія вглубь ночи», познакомившись съ нимъ случайно — какъ съ врачомъ, а не какъ съ писателемъ. Дружба была оригинальная. Лазаревскій почти не говорилъ по-французски. Селинъ изъ русскихъ словъ знаетъ только «mitchevo» и «karacho». Но, по утверженію Б. А., они «прекрасно другъ друга понимали». Лазаревскій на ломаномъ языкѣ, съ прибавленіемъ жестовъ, рассказывалъ Селину о Чеховѣ, которымъ тотъ увлекается. Съ присущимъ ему рѣдкостнымъ даромъ подражанія, онъ не разъ имитировалъ Селина:

— Придетъ, хлопнетъ по плечу, вскочить, сядетъ, спроситъ «et aloga?», разсмѣется и убѣжитъ... А говорятъ, замѣчательный писатель!

«Говорятъ», — такъ какъ прочесть «Путешествіе» Лазаревскому было трудно.

Изъ того, что рассказывалъ покойный Б. А. о Чеховѣ, вспоминаются нѣкоторыя мелочи.

Какъ-то при Чеховѣ говорили о разныхъ супружескихъ парахъ. Такія-то живутъ хорошо, такія-то ссорятся, эти несчастливы, тѣ счастливы...

Чеховъ задумчиво замѣтилъ:

— Ничего нельзя знать... Счастливы ли мужъ и жена, извѣстно только имъ да Господу Богу. Больше никому.

Нанимая квартиру, Чеховъ заботился, хороша ли «уборная». Какую-то квартиру въ Москвѣ онъ именно изъ за этого забраковалъ. Но изъ оконъ квартиры былъ прекрасный видъ, — и друзья (или, можетъ быть, сестры, — сомнѣвался, за давностью лѣтъ, Б. А.) писателя обратили на это его вниманіе. Квартира была «для души», по ихъ опредѣленію.

— Для души... — рассказывалъ потомъ Чеховъ. — Для души! Знаете, я недаромъ-то медикъ. Меня на душѣ не проведешь. Душа спокойна, когда тѣло довольно!

Недавно вышло новое изданіе толстовскаго «Дѣтства и отрочества» во французскомъ переводѣ.

Книга, повидимому, основательно забыта критиками и читателями, — ибо ее разбираютъ, какъ вещь неизвѣстную. Нѣкоторые рецензенты откровенно признаются даже, что знакомятся съ ней впервые.

Между тѣмъ, еще лѣтъ тридцать тому назадъ Октавъ Мирбо писалъ, что «Дѣтство и отрочество» — «чудо правдивой автобиографіи, а каждый романистъ знаетъ, что правда въ автобиографіи почти недостижима». Кстати, помнитъ ли кто-нибудь таблицу произведеній Толстого, расположенныхъ по достоинству, — таблицу, которую составилъ Мирбо, страстный его поклонникъ.

1. Смерть Ивана Ильича. 2. Война и миръ. 3. Анна Каренина. 4. Крейцеровъ соната. 5. Воскресеніе.

Знаменитый лингвистъ Мейэ, на-дняхъ скончавшійся, утверждалъ, что самое трудное въ его наукѣ — дать опредѣленіе, что такое рѣчь и языкъ.

Къ удивленію слушателей, онъ, — вопреки традиціи, — не разъ начиналъ свой курсъ въ Коллѣжъ де Франсъ такъ:

— Не ждите отъ меня опредѣленія рѣчи. На мой взглядъ, — дать его невозможно. Къ тому же, и бесполезно... Всѣ вы знаете, что именно я имѣю въ виду, когда произношу слова «рѣчь», «языкъ». Всѣ вы знаете, что значить молчать или говорить. Зачѣмъ же нужны опредѣленія?

Если не ошибаюсь, приблизительно такія же строки есть гдѣ-то у Потебни. Оправдывается правило: «великому ученому — все трудно, неучу — все легко».

«Мнѣніе Генриха Манна о нѣмецкой литературѣ».

— Мы никогда не любили — или не умѣли — распыляться. Наше творчество монументально и похоже на пустыню, въ которой на далекомъ другъ отъ друга разстояніи стояли бы великолѣпные памятники. У насъ былъ Гете, потомъ былъ Ницше, замѣчательный поэтъ. Я могъ бы назвать и другія имена. Но роя безупречныхъ и блестящихъ мастеровъ, которыми всегда богата Франція, у нѣмцевъ не видно было за послѣднія полтора столѣтія ни разу. Сейчасъ онъ есть у Гитлера. Но блеснуть больше мундиры и знаки отличія, чѣмъ таланты...

(Изъ сборника «По Европѣ» Людвигъ Корбэ).

Замѣчаніе, приписываемое Муссолини, — изъ того же сборника.

При дуче, будто бы, шелъ разговоръ о театрѣ и циркѣ. Жаловались на упадокъ цирка. Золотая пора его прошла. Ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ, ни въ Римѣ, нигдѣ нѣтъ дѣйствительно первокласснаго цирка.

Муссолини усмѣхнулся:

— А въ Женевѣ?

Сизифъ.